

Зигзаги идеологии

Заметки о модернизации и мифологии

Дмитрий ОРЕШКИН

модернизация как коммунизм

Модернизация как коммунизм: пометать приятно, но не дай бог угодить под практическую реализацию. Если всерьез, то это риски кредитного обременения, стрессы в менеджменте, конфликты с персоналом. Повышение производительности означает уничтожение лишних звеньев — увольнения, скандалы. Кому такое понравится? Поэтому для перехода от инновационной демагогии к реальным шагам требуется жесткий стимул. В открытой экономике его обеспечивает конкуренция. Теоретики марксизма предпочитают иные коннотации — неумную жажду наживы.

Проблема в другом: откуда берется модернизация при коммунизме и социализме, где, как нас убеждали, человечество освобождено от эксплуатации, конкуренции, игры слепых рыночных сил и прочих напастей?

На этой развилке (одной из многих) жизнь с ее проблемами, ошибками и свершениями идет в одну сторону, а «вечно живое учение» — в другую. С течением времени разрыв становится все очевиднее; приходится принимать меры. Спасательные работы ведутся с двух берегов: с одной стороны, модернизируется само учение. С другой — предпринимаются попытки переделать реальность.

Одновременно, с третьей стороны, вводится инновационное стимулирование посредством нагана, колючей проволоки и приклада в зубы.

Здесь уместно вспомнить о любимом философом различии между понятиями «действительность» и «реальность». Реальность есть действительность, подвергнутая осознанию. То есть встроенная в оптику некоей ментальной «очевидности». Ну, а очевидность, понятно, зависит от устройства очей. Их-то и надо в первую очередь модернизировать, чтобы реальность поменялась! Ибо сказано: *perception is reality*.

Ясное дело, в СССР мы не только открыли этот закон раньше англичан, но и внедрили его в практику — да так глубоко, что до сих пор не вынуть. Хотя называлось это по-другому: воспитание нового советского человека.

Перестроить действительность (например, проложить автобан) трудно и дорого. Перестроить реальность проще: достаточно убедить людей, что старая дорога не хуже, чем у соседей. А с учетом климата, патриотизма и экономии общенародных средств, пожалуй, даже и лучше. Ведь очевидно, не правда ли?!

Корректировка идеологии под действительность естественна с точки зрения теории познания (постараемся избегать таких грозных терминов, как гносеология или эпистемология): если идея вступает в явное (очевидное) противоречие с объективным миром, менять следует идею, а не мир.

Корректировка действительности под идеологию (модернизация социальной реальности) интересней, но несравненно рискованней. Когда Маркс в самом

знаменитом из тезисов о Фейербахе ставит перед философами задачу не объяснить мир, но *изменить* его, трудно противостоять его напору: разве мир совершенен и не нуждается в улучшении?!

Пожалуй, нуждается. Однако сразу возникает вопрос о наличии модернизационного бизнес-плана, и, что еще важнее, о формулировке целей. Факты свидетельствуют, что настоящим приоритетом пролетарских демиургов уже тогда была *власть* над массами, а не их благо.

Ленинская *реальность* жестче исходной марксистской, и, главное, закреплена практическими действиями, для которых в партию приходилось подбирать весьма специфический контингент борцов обладавших уголовными замашками. Таким образом, она тоже оставляет после себя пучок более или менее рациональных (соответственно, менее или более лютых) возможностей: можно было по-бухарински развивать НЭП, а можно, напротив, по-сталински — коллективизацию.

Сталин, как и перед ним Ленин, из всех возможных стратегий в рамках марксизма-ленинизма тоже выбирает ту, что пожестче. Которая в рамках его, сталинской — и следовательно, нашей, советской, — *реальности* интерпретируется как единственно возможная. Что, конечно, не так. Этому выбору предшествует десятилетнее истребление российской интеллектуальной элиты и многолетняя обработка населения оголтелой пропагандой, которой даже технически было невозможно дать ответ в условиях тотальной цензуры. Возможности же общественного сопротивления были заранее эффективно подавлены.

Эмпирика показывает, что всякий раз, когда большевики вынуждены выбирать между приоритетом удержания власти (подавления конкуренции и оппозиции) и сохранением возможных альтернатив для будущего *развития*, они всегда неуклонно выбирают *власть*, рассказывая себе и другим пропагандистскую байку о единственно верном пути развития. Как будто им одним ведомо будущее, и они обладают эксклюзивным знанием абсолютной истины.

Интересна траектория этой идеологии в социокультурном пространстве-времени. Учение рождается в рамках максимально свободного на тот период, либерального, пронизанного университетскими традициями европейского общества. Главным образом в Англии. Книжки открыто публикуются, идеи свободно обсуждаются, критикуются, уточняются — и, в общем, не получают достаточно широкой поддержки со стороны академического сообщества. Следующий

шаг, грубо говоря, с лагом в одно поколение — ниже по социальной лестнице и глубже на восток, в Европу. Усиливается социал-демократическая пропаганда (на этой фазе наукой ее назвать уже трудно) в Германии, Австро-Венгрии, Центральной и Восточной Европе; академическое сообщество в качестве целевой аудитории забыто (филистеры, фарисеи, прислужники буржуазии и абсолютизма). Учение все больше концентрируется на обработке социальных низов, где образование пожиже, скепсиса поменьше, зато энтузиазма и веры побольше. Еще примерно через поколение процесс смещается восточнее, в Россию, где массы вчерашнего крестьянства настроены еще менее критично. Учение воспринимается (и подается агитаторами) в упрощенном донельзя виде и воспринимается почти целиком на веру — как реакция на красноречие и эмоциональный напор ораторов.

Позже — примерно еще через поколение — процесс доползает до Китая, Кореи, Монголии и Юго-Восточной Азии, где приобретает специфические очертания, с первоначальной научной оболочкой не имеющие ничего общего. К тому времени в местах первоначального зарождения марксизма к нему относятся уже как к маргинальной причуде части леволиберальных интеллектуалов, реального политического значения не имеющей.

× × ×

С момента обретения контроля над мозгами трудящихся принципиально упрощается проблема разрыва идеологии с действительностью. Достаточно их убедить, что модернизационный прорыв уже состоялся. Или вот-вот состоится. Осталось чуть-чуть! Не верите — почитайте в газете. Там и картинка есть. Величественные планы выполнены, индустрия застит небо клубами дыма, вожди зарекомендовали себя с лучшей стороны... Главное — не допустить, по емкому выражению И.В. Сталина, «разлагающего скептицизма» и держать население в надлежащем тоне. Это и называется: контроль над *социальной реальностью*. Он и является настоящим приоритетом правящей партии.

этапы эволюции

Применительно к индустриализации и модернизации развитие советской мечты делится минимум на два этапа. Первый — проистекает из книжек позапрошлого века про преимущества планового хозяйства, самоорганизацию политически сознательно-

го пролетариата, более высокую производительность освобожденного труда и воспитание нового человека.

Этот слой демагогии под воздействием практического опыта за 150 лет сильно вытерся и полинял.

Но сегодня актуальнее другой, более брутальный дискурс, идущий из тех же времен. Двигателем прогресса в нем выступает не общенародный коллектив из светлого будущего, а сильная личность. Именно она своей стальной волей вдохновляет народ на труд и на подвиг. Где надо, добавляя массам энтузиазма; где надо, подбадривая нерадивых народным пинком. Интересно, что в этой ментальной схеме уже латентно присутствует конкуренция, хотя лишь на внешнем периметре: догнать и перегнать, иначе сомнут...

Сталинская версия так называемого мобилизационного модернизационного стимула заслуживает особого внимания по нескольким причинам. Во-первых, это наше родное «ноу-хау». Во-вторых, самый продолжительный вариант из всех известных, применяемый до сих пор. В-третьих, его несколько поплывшую фигуру успели подпереть с разных сторон некоторыми чисто отечественными изобретениями, такими как евразийство, пассионарность и даже Православие — в оригинальной интерпретации о. Дмитрия Дудко и его последователей (<http://greatstalin.ru/belief.aspx>; <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/08/779/61.html>).

Что само по себе интересно для понимания технологий мифотворчества.

Наконец, в-четвертых, эта конструкция из идей, мифов, пропагандистских клише и псевдорелигиозных обоснований (всякая власть от Бога) все смелее эксплуатируется нынешней номенклатурой для оправдания затянувшегося пребывания во власти.

Чтобы лучше понять тайный смысл советской мифологии и закономерности ее модернизации, следует вкратце обрисовать ее внутреннюю структуру и роль в общественной жизни.

скачки на идолах

Идеология — ключевой сектор советского хозяйства. Страна строила не что-нибудь, а коммунизм, то есть идеологическую конструкцию.

Не сильно погрешив против истины, можно сказать, **что настоящим законом политэкономии социализма является закон неуклонного преобразования материальных ресурсов природы и общества в агитацию и пропаганду.** Советская экономика в первую очередь созидала духоподъемную сказку про

растущее ВЕЛИЧИЕ, и лишь затем, в качестве необходимого (побочного?) продукта, потребного для обороны и воспроизводства трудовых ресурсов — материальную быль.

Люди, воспитанные в рамках советской *реальности*, охотно повторяют мантру о том, что СССР занимал второе место в мире по объему промышленного производства, и даже называют точную цифру: 20%. И мало кто из них утруждает себя простыми вопросами.

1. Что такое этот ОБЪЕМ промышленного производства по-советски (и какую долю в нем составляет ВПК)?

2. В каких единицах оно измеряется?

(Измеряется, понятно, в «деревянных» рублях: а как же иначе сложить нефть с чугуном и каучук с каустиком? Чем больше рублей напечатаешь, тем выше окажется исчисленный объем произведенной продукции.

Особенно если считать что рубль, в соответствии с официальным советским курсом, дороже доллара.)

3. Откуда вообще взялась эта «точная цифра» — не из тех ли источников, что рассказывали про более высокую производительность колхозного труда, про полную и окончательную победу социализма и про 99,9% общенародной поддержки нерушимого блока коммунистов и беспартийных?

Впрочем, советская экономическая *действительность* — опять же отдельная история.

идея, материя и вера

Идеология как основной продукт советского народнохозяйственного комплекса щедро распространялась внутри страны и по демпинговым ценам отправлялась на экспорт.

Полное собрание сочинений В.И. Ленина издано на всех языках мира. «Иновещание», охватившее всю планету. АПН — как идеологический миссионерский корпус. Увы, через одно-два поколения идеология тоже доказала свою неконкурентоспособность. Если и брали, то лишь в Африке, Азии и Латинской Америке, в придачу к пулеметам и гранатометам. Политическую литературу широко использовали в гигиенических целях. Развитая часть человечества на пропагандистскую дешевку уже не покупалась. Понятно, почему.

Во-первых, вся она, как некий набор шаблонов, противоречила жизни. Грубо говоря, не выдерживала внешней проверки практикой — собственным марксистским критерием истины. Например, СССР на практике развалился. Все четыре Интернационала тоже. Дружба народов и «новая историческая общность

людей, советский народ» — аналогично. И так далее... Что характерно — лишь после смерти Сталина. При нем все эти сущности содержались в образцовом порядке. Осталось выяснить: в *действительности* или в *реальности*?

Во-вторых, советская идеология принципиально противоречила сама себе. Идеиный дебет устойчиво не сходился с кредитом.

Характерно, что и первый, и второй изъян ничуть не мешают адептам советской идеи хранить веру в ее животворную силу. Что лишний раз демонстрирует приоритет духа над материей в архитектонике Советского Союза и «социалистического лагеря». С самого начала он был наполовину выдумкой, фантомом, миражом. Оттого-то и не слишком пострадал от крушения материальной части. *Советская реальность*, как выяснилось на практике, вполне может существовать помимо телесной оболочки; миллионы сограждан готовы защищать ее до последней капли чернил.

Особая пикантность ситуации в том, что самые несгибаемые из них продолжают считать себя *материалистами*. Правда, другие ударились в веру. Воистину, вера превозмогает всё. Хотя, кажется, очевидней некуда. Идеология как система ценностей задает приоритеты. Приоритетами определяются практические шаги. Практические шаги откаиваются хозяйственными результатами. Марксистский тезис о том, что общественное сознание определяется общественным бытием, при встрече с действительностью выворачивается наизнанку. На самом деле материя позорно плетется в хвосте у торжествующего сознания, и советский опыт тому лучшее подтверждение.

В прежние времена при перелете в Европу материальная граница идеологий отчетливо читалась с высоты 10 тысяч м: к востоку полигоны пахотных полей были в десятки раз крупнее, нежели к западу.

Колхозно-совхозная форма земельной собственности грубо-вещественно контрастировала с частной.

Понятно, идейная разница отражалось и в других чисто материальных особенностях бытия, сверху не столь заметных: производительности труда, урожайности, качестве продукции, рентабельности и пр.

Одно из внутренних противоречий марксистско-ленинской «науки» заключалось в том, что она запрещала видеть очевидное. Критику воспринимала как крамолу и ересь, кои подлежат немедленному искоренению. То есть де-факто вела себя как религия, причем самая непримиримая. Сознание определяется бытием. Социалистическая система прогрессивней капиталистической. Плановое хозяйство эффективнее

(и гуманнее) рыночного, материалистическая философия — передовой идеалистической. И хоть ты тресни. Возражения изучались в КГБ.

То, что на практике адепты коммунистической веры демонстрируют самый вульгарный *идеализм*, никоим образом не тревожило.

Эта трепетная особенность вынуждала советскую мифологию парить подалее от грешной земли со взором, устремленным в прекрасное «далёко». Неуклонно поднимаясь во все более разреженные слои стратосферы, чтобы избежать простых вопросов, на которые у нее не было ответа. Пока наконец от нехватки кислорода она не вошла в пике и — ах! — рухнула в грубую материальную действительность.

Иначе и быть не могло. Теперь остается изобретать объяснения в духе того, что твердь, прервавшую дивный полет, ей подставили вражеские агенты. То же вполне органично: в прежние времена *товарищи* убеждали, апеллируя к светлому будущему; сейчас они выстраивают свою эфемерную реальность, апеллируя к светлому прошлому.

Естественно, в *действительности* российские большевики по всем заявленным пунктам провалились. После революции жить лучше не стало, производительность труда упала, вместо обещанного мира страна погрузилась в череду внутренних и внешних конфликтов. Это ущербность первого рода — внешняя. Ну и черт с ней! Они выше жалкой действительности — признавать поражение им не с руки. Вполне в соответствии с авангардным искусством.

В рамках избранной системы ценностей все логично: еще с самого начала «отцы-основатели» согласились пожертвовать объективностью научного знания ради опьяняющей силы мифа. Таков уж их приоритет: миф ведет к власти, правда — от нее отдаляет. Тем хуже для правды.

Функциональное удобство модели в том, что право провозглашать: что есть истина и что ложь — эксклюзивно принадлежит власти. Удержать население от осознания того, что власть *провалилась*, можно лишь с помощью цензуры, «железного занавеса» и тотального господства в СМИ.

Поэтому после неудачной революционной «модернизации» общественных отношений система ориентируется не на развитие идеи с приближением ее к действительности, а, наоборот, на консервацию выдуманной *реальности* в надежде уберечь ее от идейной конкуренции.

В первый год после получения политического контроля большевики закрыли 460 периодических из-

необходимое лицемерие

даний разной направленности, существовавших в царской «тюрьме народов». Восторжествовало ленинское понимание свободы. Под шумные разговоры про победное шествие идей социализма по планете догматический аппарат переходит к изоляционизму и эшелонированной обороне в одной отдельно взятой стране.

Тот же функциональный вопрос: кому это выгодно? Сомнительно, чтобы духовному развитию, экономике и населению. Скорее, вертикальному менеджменту, которому необходимо удержать контроль. Он на опыте убедился, что с помощью силы и мифологии можно сформировать практически любую *реальность*. Вдохновить, обвинить, доказать. Объяснить, что во временных трудностях виноваты вредители и саботажники, внутренние и внешние враги, пережитки прошлого, природные катаклизмы. Внушить, что в ответ на происки необходимо еще теснее сплотиться вокруг любимой партии. Продемонстрировать невероятный рост по всем показателям в сравнении с 1913 годом...

Правда, чтобы свести концы с концами, до 1940 года пришлось расстрелять пятерых из восьми руководителей главного статистического ведомства при Госплане (оказались саботажниками: позволяли своим цифрам распространять *разлагающий скептицизм*).

Проблема в том, что со временем правда так или иначе просачивается в общественное сознание (скорость процесса зависит от высоты и толщины идейных барьеров) и вступает в противоречие с общепринятой версией *реальности*. Стенка из слов оказывается тонка. Факты бьют в глаза: под игом капиталистической эксплуатации трудящимся живется значительно лучше, чем под любимой народной властью. Менеджмент вынужден либо поднимать изоляционистские барьеры, либо предлагать вторую, улучшенную и исправленную версию мифа.

модернизация учения

Именно отсюда начинается второй этап. Несложно заметить, что с прежней версией ее объединяет структурное родство: определяющая роль *власти* и ее *номенклатурного ядра*. Остальные блоки легко меняются из ситуативных соображений. Вместо вечно живой теории Маркса-Ленина вполне сгодится православная симфония народа и власти. Вместо пролетарского общенародного государства подойдет евразийская державность. Вместо доброго дедушки Ленина, попивающего чаек с ходоками, — аскетичный и суровый, но дальновидный Сталин.

Сам Сталин, кстати, отлично понимал, что сознание куда важнее бытия, а действительность отличается от мифологической картинки. Но по понятным причинам не считал возможным делиться этим тайным знанием с широкими народными массами. Как говорят в Китае, «кто делает идолов, тот им не поклоняется».

В 1946 году на рабочей встрече с доверенным кругом составителей своей официальной «краткой биографии» вождь сформулировал простую мысль, которая так поразила партийное сознание одного из членов творческого коллектива — В. Мочалова, что тот поспешил записать ее для потомства: «*Марксизм — это религия класса... Мы — ленинцы. То, что мы пишем для себя, — это обязательно для народа. Это для него есть символ веры!*»¹

Святая правда! Нужды нет, что это прямо противоречит официальной доктрине про исторический материализм (ложь второго рода, внутрисистемная). Зато отлично вписывается в матрицу управленческого функционала. Чтобы удержать политический контроль, необходимо поддерживать в народе веру.

Коммунизм? Пусть будет коммунизм. И товарищ Сталин — главный пророк этой глубоко научной религии. Или, точнее, верховный жрец.

× × ×

Евразийская антизападная империя тоже сгодится. Главное, даже не сохранить Сталина (или его наследников с Лубянки и Старой площади) в качестве символов единственно верного учения, внутренний его смысл: «*То, что мы пишем для себя, — это обязательно для народа*».

Номенклатуре без разницы, какую идеологическую морковку держать перед носом у населения. Важно, чтобы право держать морковку принадлежало ей, и никому другому. Вместе с хлыстом, само собой.

В этом смысле президент В.В.Путин совершенно прав, когда сравнивает тело Ленина в мавзолее с мощами христианских святых. С функционально-инструментальной точки зрения, совершенно допустимое сравнение.

Не должно нас шокировать и то, что профессиональный коммунист-атеист-интернационалист, а по должности — системный оппозиционер Г.А. Зюганов с глубокой убежденностью вещает про глубинное родство коммунистических и христианских ценностей и

представляет Сталина (который у большевиков числился специалистом по национальному вопросу и главным борцом с русификаторской политикой царизма) главным русским патриотом. Вполне в рамках нового тренда и фантазмагорические попытки превращения Сталина в тайного приверженца православных традиций, гонимого безбожными коммунистами (с сомнительными, как у Ленина, псевдонимами). Катакомбный криптохристианин, скрывающийся в Кремле от богоборческой власти, оккупировавшей Россию.

В конце восьмидесятых годов прошлого века коммунистической номенклатуре, доведшей страну «до ручки», пришлось сказать, отползая: ладно, давай, модернизируй. Только не *реальность*, как мы, а *действительность*, пожалуйста. Не то жрать стало совсем нечего.

новая вертикаль в небо

В XXI веке, когда с мифом про НАУЧНЫЙ коммунизм практически покончено, жрецы вечного номенклатурного двигателя глубоко погрузились в поиски нового, более эффективного и неисчезающего энергоносителя.

В этом смысле Путин и Зюганов, старая и новая номенклатура функционально близки друг другу. Оба претендуют на персонификацию чаяний народа: один в качестве общенационального лидера, другой — в качестве вождя трудящихся масс. Уже и масс-то нет, а он все персонифицирует. Оба понимают, что кровь, пот и цветные картинки журнала «Огонек», которыми были оклеены «потемкинские деревни» сталинской *реальности*, не выдержали проверки временем.

Может, получится что-то, если щедро плеснуть церковного елея, лампадного масла, добавив в коктейль капелюшку Сталина для крепости? Опереться в зыбкой реальности на веру предков?

Вряд ли. Здесь опять внутрисистемная ложь второго рода. Православная вера, как и другие религии с тысячелетней историей, не противоречила сама себе. За свою долгую историю она избавилась от формально-логических трудностей, четко разделив идеальный небесный мир и грешный земной. Образ небесного Бога потому и несокрушим, что неизменен, не нуждается в рациональном объяснении и сравнении с реальностью.

Религия же, которую целеустремленно строил Сталин, напротив, подразумевала наличие земного бога (в его лице) и Царствия Божия на земле. Она исходно брэнна и тленна. Что и было доказано на практике.

В строгом соответствии с предсказаниями добросовестных мыслителей — со стороны как Православия, так и социальных наук.

искоренение

В теологическом отношении «как бы» научная мифология советского марксизма есть явная деградация до уровня языческой эклектики с выраженными признаками военно-кочевой системы ценностей. Культ мумифицированного предка, сакральная сила которого перетекает к ныне здравствующему вождю; идея Великого Похода (само слово «вождь» подразумевает, что он куда-то ведет свой народ); приоритет интересов племени над интересами личности, общеплеменной собственности над частной; упрощение социальной иерархии; деградация правовых норм и институтов; мобилизационный менеджмент; превращение каждого члена сообщества в боевую единицу; имманентная склонность к экстенсивной модели хозяйства и в связи с этим к экспансии; откат назад от принципа индивидуальной ответственности к солидарной — классовой, национальной или ведомственной; переселение «провинившихся» народов и пр.

Рассмотрим поближе процесс разграбления идейных пространств и водружения в них идолов нового варварства. То есть создания новой советской *реальности*.

наследники

Перед любимым политическим наследником Сталина встает драматический выбор, заложенный самой мифологической конструкцией государства.

Оставить все, как прежде, означает наращивать разрыв с объективной действительностью и отставание от стран-конкурентов. Плохо, хотя и заманчиво с точки зрения консервации интересов элит, а значит стабильности. Но мир вокруг прогрессирует, затыкание дыр в информационном занавесе обходится все дороже. Настолько, что террор (прежде всего против наиболее продвинутых слоев населения, включая собственную номенклатуру) становится повседневной нормой. Не всем в номенклатуре это нравится.

С другой стороны, любая попытка что-то исправить откликается ослаблением мифологической брони и идеологического скелета государства. Лодка раскачивается, номенклатуру начинает подташнивать. Тоже плохо!

Брежневский менеджмент (как и путинский) был обречен вилять между апелляциями к великому мифологическому прошлому, освещающему безальтернативную власть, и попытками модернизировать страну. Методом проб и ошибок было нащупано оптимальное для такого межумочного состояния решение: слова одно, дела — другое. Двоемыслие стало объяснением эпохи.

слова — одно, дела — другое

Полнее всего эту схему удалось реализовать в современном Китае, где при вполне коммунистической риторике реализуется самый жесткий либерально-частнособственнический сценарий в экономике.

«Вы будете удивлены, но в известной мере Китай сегодня более капиталистическая страна, чем Соединенные Штаты Америки», — говорит нобелевский лауреат по экономике Роберт Фогель (<http://newtimes.ru/articles/detail/37254>).

За время реформ доля госсектора в экономике снизилась с 40 до 20%. Эксплуатация трудящихся вполне капиталистическая, рабочий день до десяти часов, без медицинских страховок и пенсий. Благо за спиной у каждого дышит армия из 80 миллионов безработных — больше, чем во всей России работающих...

У нас иная, более продвинутая социокультурная среда; здесь такое откровенное жонглирование мифологемами уже не проходит. Хотя не так давно проходило. Правда, для этого пришлось несколько раз пройтись по стране катком репрессий. Интересно, сколь долго Китаю удастся поддерживать баланс в своей внутренне противоречивой государственной конструкции. Вряд ли более десяти лет.

Сталинская ложь, решительно исправляющая ошибочную реальность, с одной стороны, потрясает тавтологией, а с другой — нечеловеческой силой убеждения. На вредительские обвинения правых уклонистов в «эксплуатации крестьянства» в годы коллективизации Сталин в докладе «О правом уклоне в ВКП(б)» возражает веско и устрашающе бессмысленно:

*«Природа Советской власти не допускает какой бы то ни было эксплуатации крестьянства со стороны государства. В речах наших товарищей на июльском пленуме прямо сказано, что в условиях советских порядков эксплуатация крестьянства **исключена** (выделено И.Сталиным) со стороны социалистического государ-*

ства, ибо непрерывный рост благосостояния трудового крестьянства является законом развития советского общества, а это исключает всякую возможность эксплуатации крестьянства».

Вы поняли, или еще разок повторить? Какая могучая демагогия! Это, между прочим, апрель 1929 года, в стране уже разворачивается вызванный насильственным внедрением коллективизации «голодомор». Такова жалкая правда. Но мифология сильнее правды! Ибо за ней стоит сверхчеловек — сам товарищ Сталин. Он выше правды, он есть самая Истина. Настолько выше, что в жертву непринужденно приносится элементарная логика. И люди, которые этого не принимают. Или могут не принять.

В итоге в мифологическом пространстве советских СМИ благодаря индустриализации и коллективизации жить становится лучше, жить становится веселее. Трудовое крестьянство не только сеет-пашет, но и поет-пляшет, приветствуя новую колхозную реальность. Особенно в кино. А как тут не петь, если законом является непрерывный рост благосостояния? Главным образом для тех, кто допущен Сталиным к производству кино — важнейшего из искусств.

цена вопроса

Прошли годы. Выяснилось, что в годы коллективизации страна потеряла от шести до восьми миллионов человек, в основном детей, погибших голодной смертью или не родившихся в разоренных семьях. За это преступление, естественно, пошла под расстрел первая волна руководителей ЦУНХУ — статистического ведомства при Госплане СССР. Пришедшие им на смену чекисты задним числом подтянули данные переписи к более приемлемым для Сталина цифрам и пошли под расстрел уже во вторую очередь.

Тем не менее факты и свидетели сохранились где-то по углам и со временем все-таки выползли на свет. Уже после смерти вождя. Под их напором или просто от старости мифологическое вранье плана «А» про светлое будущее растеряло былую мощь.

Состоялся переход к плану «Б».

перегибы

— Таки да, были отдельные факты эксплуатации крестьянства! — с неподдельной болью признают постсоветские патриоты номенклатуры. — Были!! Некоторые несознательные селяне

даже помирали с голоду целыми деревнями, чтобы дать антисоветчикам козыри для идеологических диверсий. Имелись также отдельные перегибы на местах и «головокружение от успехов». Но, во-первых, Сталин их мужественно признавал и устранял, а во-вторых, так было нужно, товарищи! Чтобы ударными темпами провести модернизацию, сплотить нацию и как следует подготовить Отчизну к гитлеровской агрессии. В-третьих, нигде в мире не бывало модернизации без перекачки ресурсов из одного сектора в другой, более прогрессивный...

Иначе бы мы в 1941 году не выстояли!

Это не в 1952-м, ЭТО СЕЙЧАС ПО ТЕЛЕВИЗОРУ ГОВОРЯТ.

Спорить не будем. Просто зафиксируем подвижку мифологических приоритетов. Оказывается, все-таки *не ради счастливой жизни с более высокой производительностью* коллективного труда партия загоняла неразумных крестьян в колхозы. А ради *укрепления* родной Советской власти и *повышения обороноспособности*.

Надо признать, эта версия правдоподобнее. Теплее, теплее! Осталось сделать всего один шаг, и совсем будет правда: если колхозы не были более эффективны с точки зрения экономики, то в чем же было их преимущество?

Да командовать ими было проще — только и всего. Изымать прибавочный продукт. Чтоб не бегать с продовольственным отрядом (прямой аналог ордynских баскаков) за каждым отдельным собственником, а контролировать оседающую коллективную структуру, жестко привязанную к земле, во главе с конкретным человеком. Жить захочет — обеспечит сбор и сдачу урожая. А не обеспечит — ну, значит саботажник.

Осталось выяснить, в чьих интересах созидался этот замечательный проект и кто был главным бенефициаром. Нет, в теории мы не хуже вашего знаем: власть народная, бенефициары — трудящиеся. Общественная собственность, Выставка достижений народного хозяйства, Рабочий и Колхозница. Символы нашей социалистической веры.

властная вертикаль

Но если взглянуть рационально, распоряжается всем этим добром главным образом лично Сталин и подчиненная ему партийная номенклатура. Подчеркнуто не имеющая корней ни в какой из территорий. Сегодня товарищ руководит хлопком в Тур-

кмении, завтра — чугуном в Кривом Роге... Приехал, расстрелял кого надо, навел порядок, ресурсы потекли в Центр — ну и молодец. Езжай теперь на новое место службы. Чтоб не обрастал собственностью, не пускал корни, не завел себе, Боже борони, независимого источника доходов. Чтоб целиком и полностью зависел от благорасположения Вертикали и служил ей, сколько хватит сил.

Трудящимся, конечно, тоже порой от этой схемы что-то перепало — если вели себя хорошо. Но в основном уже в послесталинское время. Когда Хрущев стал закупать хлеб в Канаде и строить свои пятиэтажки для «народа-победителя».

вторая версия. вертикальная мифология 2.0

Вторая версия вертикальной мифологии рухнет от тех же причин, что и первая. От давления очевидных фактов *действительности* и усталости общества от столь же очевидного наглого вранья. У разных людей осознание произойдет по-разному. Кого-то «достанет» безудержная коррупция «неодворян». Кого-то огорчит погон, торчащий из-под богослужебных одежд. Кого-то — бессовестная фальсификация выборов, кого-то — лоснящиеся от патриотизма морды из телевизора, кого-то — беспредел судов и правоохранителей, кого-то — пробки на дорогах и мигалки. Хватит на всех. Но не сразу, конечно. Осознание требует времени.

Одной из причин неизбежного крушения второй мифологической волны для тех, кто умеет читать и помнить, является оскорбительный расчет на тупость аудитории. Грубо говоря, они даже соврать толково не умеют. Или не считают нужным. Привыкли, что и так сойдет. *Пипл схавает...*

В условиях новой информационной прозрачности и массового распространения Интернета — уже не схавает. Благостная картинка чисто технически уже не сможет заменить и подменить действительность. Советские технологии мифотворчества в новой социальной среде не работают.

Ничего особо хорошего в этом нет. Крушение мифологии означает крушение вертикали — потому что иных, не мифогенных, резонансов (кроме интересов лиц, ее составляющих) для ее сохранения нет. И силой ее не удержать; уже не собрать такой силы. Ее строили якобы для наведения порядка. Ну, и как у нас дела с порядком? Ее строили якобы для сплочения народов, подымания с колен и отпора темным силам. Ну, и как с подыманием с колен, с международным престижем?

Ее строили для борьбы с коррупцией и олигархией. А как у нас с коррупцией?

В своем первом послании Федеральному Собранию президент В.В. Путин когда-то сказал: «Основными препятствиями экономического роста являются высокие налоги, произвол чиновников, разгул криминала. Решение этих проблем зависит от государства... Во-первых, следует обеспечить защиту прав собственности... Второе направление — обеспечение равенства условий конкуренции... Третье направление — освобождение предпринимателей от административного гнета. Государство должно последовательно уходить от практики избыточного вмешательства в бизнес... Четвертое направление — снижение налогового бремени...»

С тех прошло более двенадцати лет. Налоги, штрафы и тарифы выросли, число чиновников удвоилось более чем, про разгул коррупции и сращивание коррумпированной бюрократии с криминалом не говорит только ленивый. Конкуренция и права собственников принесены в жертву новой номенклатуре. Миф об укреплении государства (вертикали) во имя величия державы — это одно, действительность — нечто совсем другое. Но крушение фальшивой вертикали означает крушение всего государства — потому что ростки любых альтернативных систем управления, которые в критический момент могли бы взять ответственность на себя, номенклатура тщательно выпалывала. Исходя не из мифологических, а из вполне прагматических интересов укрепления своей монополии. Желание возродить аппаратную монополию (даже внутри власти — полное подчинение правительства Кремлю) однозначно подразумевает возрождение номенклатурной мифологии. Так оно и есть: в последние годы власть только об этом и говорит. Сплочение, национальный код, уникальная цивилизационная идентичность, вражеские происки, Евразийский или Таможенный союз... Старый миф на новый лад свидетельствует, что новая номенклатура опять намерена монопольно рулить столь долго, сколько позволит ей тотальная промывка мозгов, обновленные в «лихие 90-е» хозяйственные механизмы и немалые, накопленные благодаря реформам ресурсы.

Процесс, вне зависимости от объективных результатов, будет тянуться, покуда пропасть между сказкой и действительностью не достигнет таких размеров, что ее не сможет игнорировать любая, даже по самую маковку загруженная пропагандистскими отрубями голова. Тогда опять начнется перестройка. Естественно, слишком поздно.

третий приступ джугафилии²

Брежневско-андроповская попытка навести порядок а-ля Сталин была второй по счету и закончилась известно чем. При заведомо более благоприятных, чем ныне, условиях для номенклатуры. Сегодня номенклатура совершает третий подход к весу. Понятное дело, не от хорошей жизни. Но держится молодцом. Третья попытка реставрации неизбежна, естественна и бесперспективна. Если бы у системы были умные эксперты, она бы поняла это заранее. Но не любит она мозги, («кушать любит, а так нет»). Поскольку мозгов нет, а есть инстинкт самосохранения и хаотически пересекающиеся интересы номенклатурных групп влияния, ей придется пройти весь путь до конца, пока опять не упрется в стенку рога. Для страны это плохая новость. Однако есть и хорошая: на сей раз стена будет нащупана быстрее. Но предсказать, что учудит система, когда обнаружит себя в тупике, — невозможно.

Единственное, чем можно помочь ей и нам — как можно понятнее заблаговременно объяснить, почему она движется в тупик и каковы конкретные признаки приближения к стене, к пропасти.

Первый очевидный признак — сама попытка вернуться к сталинской стилистике. Пока есть реальное развитие, сталинские методы, основанные на тотальном вранье, не нужны. Нужда в них обостряется по мере разрастания госаппарата, падения интегральной эффективности хозяйства и, следовательно, необходимости маскировать свою никчемность бессовестной пропагандой. Главный мифологический секрет сталинской индустриализации заключается в том, что достижений было значительно меньше, чем пропагандистского шума.

Достижения тоже имелись, но были они скромнее, чем на Западе и вполне в русле общемирового промышленного роста после Великой депрессии. Нет никаких (кроме мифологических, понятно), доказательств того, что капиталистическая Россия прошла бы этот путь хуже, чем сталинская.

Для человека, страдающего джугафилией, эта мысль невозможна. Проверку истинности сталинских достижений он, в силу пропагандистской сущности системы может осуществить лишь через джугафилческие же источники. Прочие же его сознанию недоступны.

Симптомы этого явления в последнее время стали чаще встречаться в публичных выступлениях

В.В.Путина. «Нужно совершить такой же мощный комплексный прорыв в модернизации оборонных отраслей, как это было в 30-е годы прошлого века», — сказал он 31 августа 2012 года на расширенном заседании Совета безопасности по оборонно-промышленному комплексу в Ново-Огареве. И пояснил, что нужна не просто модернизация, а своего рода *общенациональная идея*, способная сплотить страну.

То есть основные признаки опять же налицо: оборонка, модернизационный прорыв и всенародное сплочение. Вокруг кого и ради чего, скромно умалчиваем.

легенда о железной дороге

Интернет помнит, что пять лет назад, на Съезде железнодорожников, Путин уже призывал к прорыву. Тогда, правда, на основе дореволюционного опыта. «Говоря прямо, — сказал он в 2007 году, — стране необходим новый импульс развития железнодорожной отрасли, сопоставимый со стремительным развитием российских железных дорог на рубеже XIX–XX веков...».

С тех пор прошла ЦЕЛАЯ пятилетка, полная разговоров про модернизацию. В ответ на новый импульс РЖД еще теснее сплотились вокруг опытного руководителя В.И. Якунина, решительно требуют дополнительных льгот, с удвоенной энергией добиваются сверхпланового финансирования, неуклонно поднимают тарифы. Но до царских показателей по-прежнему далеко.

Значит, совсем плохи наши дела. Пять лет назад он мог хотя бы адекватно поставить задачу — пусть без надежды на решение. При трех последних царях железные дороги действительно строились быстро и хорошо — благодаря привлечению частного капитала. Поскольку РЖД — госмонополия, сравнимых темпов они не могут добиться по определению. Хотя прошло более ста лет и строительные технологии (понятно, не у Путина/Якунина, а все у того же частного капитала) рванули вперед с небывалой силой.

Однако рельсы, так же как и в царскую эпоху, у нас производятся только длиной 25 метров³.

стальные километры правды и лжи

Последуем совету В.В.Путина и рассмотрим итоги сталинского модернизационного прорыва на конкретном примере железнодорожного строительства. С простых естественно-научных позиций.

Рельсы чем хороши? С ними просто: либо они есть, либо их нет.

Кроме того, это комплексный показатель. Трудно оценить реальную пользу от гор чугуна, стали, угля и хлеба по советским учебникам. Сталинским тоннам и пудам специалисты верят не больше, чем электоральным цифрам В.Е.Чурова. А железнодорожная сеть сухо, без пафоса интегрирует реальность. Сталь-чугун, костыли-шпалы, уголь-энергетика. Машиностроение, электричество. Щебень для насыпей, бетон для мостов. Общая эффективность менеджмента, труда и технологий.

В базовых расчетах будем придерживаться официальных советских данных. В справочнике «СССР в цифрах» за 1957 год указано, что эксплуатационная длина железных дорог царской России в 1913 году составляла 58,5 тыс. км. А в СССР к 1956 году — уже 120,7 тыс. км (данных на год смерти Сталина в справочнике нет). Прирост более чем вдвое за — и это за 40 с небольшим лет. Прорыв или не прорыв?

Обратимся к труду В. Ильина (более известного как В. Ленин) «Развитие капитализма в России». В восьмой главе («Образование внутреннего рынка») автор указывает, что за 25 лет — с 1865 по 1890 год — железнодорожная сеть России выросла в 7 раз. Круче, чем в Англии (тут Ленин, похоже, путает: на самом деле речь не об Англии, а обо всей Британской империи), где аналогичный рывок занял 30 лет и обеспечил лишь шестикратный прирост. Правда, слабее, чем в Германии. В любом случае пореформенная Россия являлась второй по темпам роста транспортной инфраструктуры.

С 1865 по 1875 год русский капитализм, которому реформы Александра Второго развязали руки, строит железные дороги со средней скоростью 1,5 тыс. км в год. С начала 1890-х процесс пошел еще быстрее: 2,5 тыс. км в год. К концу XIX века годовой прирост достигает 3 тыс. км.

В.В. Путин верно указал период, на который следует равняться: вот бы ОАО «РЖД» смогло добиться показателей рубежа позапрошлого и прошлого веков! Тогда быстро развивалась урбанизация, рос объем грузо- и пассажироперевозок, торговли, промышленного производства. Марксист В.Ильин (Ленин) добросовестно отмечает «истинно американские» темпы роста тогдашней России и ее железнодорожной инфраструктуры. В начале XX века, уже после выхода его книги, наступает интелесная пауза, одной из причин которой были колебания государя-императора и его правительства из-

за слишком быстрорастущей экономической мощи буржуазии.

Монархия инстинктивно склоняется не к модернизационному, а к охранительному выбору.

Рост притормозить; страну подморозить; развитие заменить упрочением устоев. Транспортный каркас ощутил разворот державного вектора быстро и больно. Вероятно, отчасти дело было связано с двумя подряд неудачными министрами путей сообщения — Н.Шауфусом и С.Рухловым, один из которых был отменен бесцветен, а второй, чужая веяния с олимпа, пытался вытеснить из железнодорожного строительства частный бизнес и перенести центр тяжести на казенное финансирование. Получилось, возможно, верно-подданней, но существенно скуднее. Что болезненно аукнулось в военный 1915 год, когда старика Рухлова вежливо попросили в отставку. Вскоре после революции большевики просто зарубили его как одного из заложников.

9 мая 1913 года, в правление министра Рухлова, Совет съездов представителей промышленности и торговли представил официальный доклад по вопросам коренного улучшения транспорта за подписью члена Государственного совета Н.Авдакова и управляющего делами барона Г. Майделя. Доклад констатировал, что дорожная сеть опасно отстала от роста населения и хозяйства, в связи с чем нагрузка на нее за последние 10 лет возросла на 84,6%. Дальнейший рост экономики к 1920 году требует увеличить протяженность сети до 110 тысяч верст. Это, в свою очередь, это означает необходимость вводить по 5 тысяч с лишним верст пути в течение восьми лет. Там же недвусмысленно сказано про «искусственный тормоз развития» — из-за стремления правительства взять процесс под монопольный контроль:

«Если дело пойдет так и дальше, то мы, очевидно, не справимся со всеми грузами, которые будут предъявляться к перевозке, и страна естественно будет охвачена кризисом, тем более тяжелым, что он будет вызван искусственно... Несмотря на то, что частная инициатива затрачивает огромные суммы на производство изысканий, самое удовлетворение ходатайств о сооружении дорог дается чрезвычайно скупо... Правительство в этом деле действует крайне вяло, а это угрожает насущнейшим интересам страны».

На языке цифр дело выглядело так. К 1910 году железнодорожная сеть России общей протяженностью в 62422 версты включала 42502 версты казенных дорог и 19920 верст частных. Легко пересчитать в километры: верста равна 1067 м. Итого на 1910 год — 66,6 тыс. км.

Расхождение с данными советского справочника (там на 1913 год указано 58,5 тыс. км) объясняется просто. Составители в предисловии скромно оговариваются, что «цифры за 1913 г. <...> приводятся по территории в границах СССР до 17 сентября 1939 г.». Милое мифологическое жульничество: выходит, что рельсы (да и прочие экономические достижения) в Западной Украине и Белоруссии, в Бессарабии и трех республиках Прибалтики при царе как бы отсутствовали. А при Сталине (в 1939 году) как бы сами собой появились вместе с присоединенными территориями. И незаметно приплюсовались к достижениям социализма. Пустячок, а несколько тысяч километров таким изящным маневром советская статистика у царя-батюшки стырила и приписала в актив индустриализации.

По данным Авдакова, который ссылается на материалы МПС, в 1913 году казна проектирует на ближайшие годы строительство всего 9 тысяч верст пути. Тогда как частные предприниматели за свой счет, по согласованию с правительством, уже вложились в изыскания и проектирование 50200 дополнительных верст, что с гарантией покрывало обозначенный в докладе дефицит сети к 1920 году. Однако правительство в лице министра Рухлова не хотело и не могло допустить, чтобы половина железнодорожной инфраструктуры оказалась в руках частных. Пусть рост будет в пять раз ниже, но зато свой, казенный...

Интересно, что Финансовая комиссия Государственного совета в докладе по росписи доходов и расходов на 1914 год толковала государю ровно о том же, но уже применительно ко всей промышленности в целом. Комиссия считала необходимым «... указать на устарелость законов о промышленности и на излишние стеснения, испытываемые предпринимателями в разных областях промышленной деятельности. Между тем успешное развитие этой деятельности возможно лишь при условии предоставления широкого поприща личной инициативе и при отсутствии ограничений, тормозящих частные начинания в области торговли и промышленности».

Такой вот непростой выбор для русских элит. Простите за небольшой правый уклон в несоветские данные: исключительно, чтобы обозначить тогдашние проблемы и понять, почему перед Первой мировой войной истинно американские темпы роста железнодорожной сети вдруг иссякли. Далее неуклонно держимся правоверного советского справочника: в 1913 году царская Россия имела 58,5 тыс. км пути. Подтасовки с присоединенными в 1939 году территориями пока оставляем в стороне.

Вскоре в России случилась пролетарская революция. А в Америке, с ее темпами, не случилась. Поэтому в США рельсы продолжали класть быстро и много. Но лишь до тех пор, пока не выяснилось, что большегрузный автомобильный транспорт эффективней. После чего там произошла «революция» автобанов.

А у нас, увы, так и не произошла...

С первых дней народная власть уделяет железным дорогам максимум внимания. С 1917 по 1923 год сменилось восемь наркомов путей сообщения. Из самых известных — Л.Б.Красин, Л.Д.Троцкий и Ф.Э.Дзержинский. Товарищ Ленин тоже помогал. Написал замечательную статью из жизни тружеников депо про пользу бесплатного труда «Великий почин». Последовательно истреблял квалифицированных железнодорожников из «Викжеля» — крупнейшего дореволюционного профсоюза, который по старой привычке пытался отстаивать интересы рабочих (а надо было — интересы рабочей власти; почувствуйте разницу). Чудаковатый «Викжель» тупо требовал для путейцев нормальной оплаты за нормальный труд вместо продвижения в пролетарские массы идей «Великого почина».

С производительностью труда — даром что освобожденного — у большевиков категорически не ладилось. Какие там 5 тысяч верст новых путей в год! Заставить бы функционировать то, что было построено до революции. «Транспорт висит на волоске»; «Не допустить паралича ж/д транспорта»; «Положение с транспортом отчаянное. Для спасения нужны меры поистине героические и революционные» — вот характерные ленинские резолюции тех победоносных лет.

Героические и революционные наркомы Лев Давыдович с Феликсом Эдмундовичем без усталости расстреливали саботажников и дезертиров железнодорожного фронта. И Владимир Ильич поддерживал их как мог: мол, мало стреляете, товарищи. Но все равно: тянут-потянут — вытянуть не могут. Пять лет, десять лет — а воз и ныне там.

Пришлось впрягаться лично товарищу Сталину. В том же режиме ручного управления. Но уже без излишней мягкотелости, присущей «кисейным барышням» Троцкому и Дзержинскому. 19 сентября 1931 года тов. Сталин пишет тов. Кагановичу с Кавказа, где поправляет здоровье: «Самым важным вопросом ближайших месяцев считаю транспорт, прежде всего — желдортранспорт... Пока в транспорте сидит шайка самовлюбленных и самодовольных бюрократов типа Рухимовича, по-меньшевистски издавающихся над постановлениями ЦК и сеющих кругом разлагающий скептицизм, постановления ЦК будут класть под сукно.

Надо эту шайку разгромить, чтобы спасти железнодорожный транспорт».

Это интересно. Партия печется о желдортранспорте вот уже 14 лет. Самое время защищать итоги от *разлагающего скептицизма*. В остальном ничего нового: в 1918 году требовалось разгромить шайку, и в 1931-м — тоже требуется. Хотя последнего из крупных царских транспортников, Ивана фон Мекка, имевшего неосторожность из патриотических соображений остаться в России, расстреляли еще в 1929-м. Теперь, стало быть, пришла пора разбираться уже со своими, партийными.

Самовлюбленные транспортные бюрократы, понятно, были в очередной раз поставлены к стенке и опять заменены верными людьми из ЧК. Точнее — из ТОГПУ, транспортного отдела ГПУ. То было самое начало индустриального «прорыва», который так понравился В.В. Путину. Но каков все-таки итог этой самоотверженной деятельности?

Среднегодовой прирост сети с 1913 по 1956 год, по данным советского справочника, — 1,4 тыс. км. Благодаря революции, коллективизации, индустриализации и централизации железная дорога под личным контролем вождя, при невиданном энтузиазме трудящихся, съехала на темпы роста, немного уступавшие эпохе Александра II (1865–75 годы). По В.И. Ленину, тогда выходило 1,5 тыс. км в год.

Хотя тов. Сталин демонстрировал чудеса эффективного менеджмента. Умело маневрировал ресурсами, смело принимал оперативные решения. Вот письмо В.М. Молотову от 22 сентября 1930-го, за год до того, как выяснилось, что на транспорте засела шайка самовлюбленных меньшевиков:

«Плохо дело обстоит с Уралом. Миллионы руды лежат у рудников, а вывезти ее не на чем. Нет рельс для проведения подвездных и внутривозовских веток, — в этом вся беда. Почему нельзя было бы приостановить на год новое железнодорожное строительство где-либо на Украине или в другом месте (подчеркнуто Сталиным) и, освободив рельсы верст на 200-300, отдать их немедленно Уралу?»

Естественно, вас интересует чистый замер за лучшие годы индустриализации. Чтоб без революций, гражданских войн и прочих напастей. Извольте, сейчас дадим.

Что говорят советские цифры?

В лучшие годы индустриализации с 1928-го (76,9 тыс. км) по 1940 год (106,1 тыс. км) средний темп прироста ж/д сети в СССР составляет 2,4 тыс. км в год. Слабее, чем за 30-40 лет до того, на рубеже веков. Чуть хуже, чем даже в начале 1890-х, когда Николай

Александрович Романов начинал свое скорбное царствование. Тогда, по В.И. Ленину, выходило в среднем 2,5 тыс. км. Хотя лучше, чем в последние десять лет романовской эпохи, когда правительство пыталось заменить частные инвестиции казенными для упрочения самодержавной вертикали.

Если же учесть фокус с тысячами километров дореволюционной сети, приписанных Сталину советской статистикой после 1939 года, то железнодорожный прорыв победных 30-х годов на фоне царизма выглядит откровенно жалко. Не говоря уж про Америку.

Вот данные периода «быстрого послевоенного восстановления народного хозяйства»: с 1945 (112,9 тыс. км) по 1956-й (120,7 тыс. км) сеть прирастала со скоростью 0,7 тыс. км в год. Вдвое медленнее, чем в благословенные времена после поражения России в Крымской войне и после отмены крепостного права. Кстати, несложно сообразить, что в самые трудные военные годы страна, сцепив зубы, выдавала вдвое больше: в 1940-м было 106,1 тыс. км, в 1945-м стало 112,9 тыс. км. Итого по — 1,4 тыс. км в год.

Можно сказать и по-другому. Благодаря чуткому руководству ВКП(б) во главе с эффективным менеджером, умелому использованию преимуществ планового социалистического хозяйства, массовому героизму и беззаветной преданности советских людей, **к 1945 году СССР наконец достиг размеров ж/д сети, которые в 1913-м были намечены Советом съездов представителей промышленности и торговли на 1920 год на основе частной инициативы.**

Итого, сухой остаток. При царе — до 3 тыс. км в год. Во время довоенной индустриализации — 2400 км. Если же учесть статистический фортель с припиской в пользу индустриализации старой сети на территориях, занятых в 1939 году, то выходит всего порядка 2100 км. Затем, во время войны, 1400 км. После войны, до 1956 года, 700 км сети в год. Стальная поступь социализма.

На всякий случай для справки. За 20 лет с 1970 по 1990 год в РСФСР прирост железнодорожной сети составил 24 тыс. км. В среднем по 1,2 тыс. в год. Включая эпопею БАМа. Темпов пореформенной России достичь так и не удалось. Оставляем за скобками очевидные соображения о технологическом прогрессе, который, вообще говоря, должен был бы за четыре поколения обеспечить некоторое ускорение ввода.

Если бы сталинский СССР смог удержать планку хотя бы на уровне Александра III (куда уж до

обозначенного В.В. Путиным «рубежа XIX–XX веков»!), мы к моменту смерти вождя имели бы бонус в 40-50 тыс. км «сверхплановой» инфраструктуры. При том, что Россия, самая обширная страна в мире, острее всех страдала и страдает от дефицита железнодорожной сети.

× × ×

Зато в духоподъемной риторике недостатка не было никогда.

Именно этот мифологический гул представляет собой самое интересное и загадочное явление «комплексного мобилизационного прорыва» 1930-х годов. Ведь справочник «СССР в цифрах» в советские времена не был запрещен. Труды В.И.Ленина — тем более. Кажется, чего проще: взять цифры из одного издания и сравнить с другим. Почему же никто из выдающихся советских ученых, доцентов и профессоров, кандидатов и докторов не сделал этого раньше? По наивной детской причине: «Кто даст правильный ответ, тот получит десять лет». За клевету на достижения советского строя. Кому охота садиться за очевидное напоминание о том, что базовая цифра 1913 года, от которой как от печки пляшет вся советская пропаганда, сфальсифицирована.

Да черт с ним, пусть проценты будут какие им надо! Жизнь дороже. Как сформулировал акад. Струмилин (один из немногих выживших зубров Госплана и сталинской статистической службы), «лучше стоять за высокие темпы роста, чем сидеть за низкие».

к проверенным механизмам?

И вот, судя по всему, Родина опять ощущает необходимость вернуться к этим проверенным механизмам. Рыночные стимулы к экономическому росту, заложенные реформами 1990-х, благополучно свернуты путинской номенклатурой. Вновь наступает время укрепления дисциплины, сплочения и борьбы с разлагающим скептицизмом.

И ведь как шустро товарищи на местах ловят и дешифрируют веяния, поступающие с властных высот! Национальный лидер только обмолвился про благотворный опыт 30-х годов, а член президиума общественного совета Военно-промышленной комиссии при правительстве РФ, издатель журнала «Экспорт вооружений» Руслан Пухов уже все понял, принял и отрапортовал. «Бодрящая морозная свежесть 1937 года — вот что сегодня нужно оборонке и всей стране», — заявил он газете «Московский комсомолец».

Прямо-таки задался бедняга. С ходу выхватывает живую суть: именно символический 1937-й, и никакой другой из 30-х. У витязя руки чешутся промыть мозги кому надо.

Вынужден разочаровать. **1937-го не будет.** Будет очередной мелкотравчатый фальстарт, как у Андропова, — с его мерами по наведению порядка и дисциплины. Максимум кому-то еще голову пробьют, кого-то еще посадят. Ну, может, убьют десяток-другой сограждан. Но позорно так, ночью. На всякий случай прячась от видеокамер и ментов, которые и так знают, что надо отвернуться.

в ожидании коллапса

Начиная с ленинских времен истинными приоритетами строителей Советской России были захват и удержание власти. Самый короткий и простой путь к реализации истинного приоритета — уничтожение конкуренции, альтернативных возможностей развития и непрерывное укрепление властной монополии. Прямым хозяйственным следствием является экономический застой и отставание от более гибких и мобильных конкурентов. В таких условиях логика удержания власти (главный приоритет) вынуждает переходить к еще более постыдной и откровенной лжи — к строительству «потемкинских деревень». Процесс неизбежно должен сопровождаться усилением репрессий — ибо в противном случае откровенная ложь разоблачается уж слишком легко. Как только процесс экспансии репрессий приостанавливается — правда приподнимает голову и начинается распад государственной вертикали, построенной на фальшивом фундаменте. Появляются альтернативные варианты, конкурирующие лидеры, идеи и объяснения. Поскольку дать честный и равный ответ в условиях свободной дискуссии вертикаль не может по определению (ее истинный смысл в самодовлеющем существовании и изъятии ресурсов из народа и территорий, в то время как пропагандистский месседж — в заботе и защите народа), она вынуждена постоянно возвращаться к репрессивным практикам. В результате в первую очередь модернизируется

система политического сыска, пафосной лжи, запугивания и фальсификации.

Модернизация же экономики и производства, напротив, тормозится, поскольку подразумевает развитие конкуренции, укрепление прав граждан и ограничение самовластия номенклатуры. Конфликт вокруг проекта «Сколково» не случаен.

Прямой и очевидный итог этого системного противоречия: на фоне обильных разговоров про разного рода модернизации, инновации, институции и инвестиции на практике мы имеем завинчивание, торможение и стагнацию. Что совершенно естественным образом компенсируется все более страстными разговорами о происках гнивающего Запада и его агентов, глубоко внедрившихся в здоровое тело России, чтобы высосать из нее соки и затем взорвать ее изнутри...

Все это понятно, предсказуемо — и бесперспективно. Если, конечно, не считать перспективой приближающийся коллапс этой выморочной системы с неопределенным количеством жертв.

Примечания

¹ И. Сталин, Соч., Т.17. «Северная Корона» Тверь: 2004. С. 636

² Джугафилия — социальное заболевание, передающееся через каналы коммуникации вместе с зараженными халтурой и фальсификацией текстами; распространено в областях с затрудненным интеллектуальным обменом, скудным фактологическим питанием и сниженным из-за этого иммунитетом к рептильной пропаганде. Инфицированию особенно подвержены младшие возрастные группы; в старших возрастах заболевание практически не передается, но и не излечивается, особенно в контингентах с замкнутым кругом общения. В таких случаях клиническая картина приобретает привычно-застойную форму. Уберечься от заражения несложно при соблюдении общепринятых санитарных норм: воздержание от чтения советских газет до обеда, проверка текстов на наличие грамматических ошибок и библиографических ссылок, сопоставление джугафилических апокрифов с независимыми источниками и пр. Весьма полезны также упражнения по развитию любопытства и навыков работы с документами.

³ Стометровые рельсы, сертифицированные по мировым стандартам, российский «Евраз» стал производить лишь в начале 2013 года.

Правда, существуют проблемы их транспортировки и криволинейных участков магистралей; американцы вообще предпочитают 25-метровые рельсы с хорошей технологией сварки (Ред.).

© Текст: Дмитрий Орешкин

Дмитрий Орешкин — политолог, географ, один из крупнейших специалистов по избирательной системе России, в прошлом глава группы «Меркатор».